

Роль Римського статуту Міжнародного кримінального суду в розвитку норм права, що стосуються неміжнародних збройних конфліктів

Доді Коріна
кандидат юридичних наук, доцент кафедри державного управління, Університет економіки та права «КРОК»

У статті досліджено історичні питання прийняття Римського статуту Міжнародного кримінального суду та аналіз його основних норм, які стосуються неміжнародних збройних конфліктів.

Ключові слова: міжнародне гуманітарне право, неміжнародний збройний конфлікт, Міжнародний кримінальний суд, воєнні злочини, ст. 3, спільна для чотирьох Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 року.

В статье исследованы исторические вопросы принятия Римского статута Международного уголовного суда и анализ его основных норм, касающихся немеждународных вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, немеждународный вооруженный конфликт, Международный уголовный суд, военные преступления, ст. 3, общая для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 года.

The article is dedicated to researching the development of international law norms applicable to non-international armed conflicts in the ICC Statute.

Keywords: international humanitarian law, non-international armed conflicts, ICC, war crime, common art. 3 to four Geneva Conventions from 12 of August 1949.

Постановка проблеми

Проблема інституціоналізації Міжнародного уголовного суду (МУС) тісно пов'язана з кардинальними проблемами сучасних міжнародних відносин – підтриманням міжнародного миру та безпеки, запобіганням актам агресії, пресеченням масових порушень основних прав і свобод людини, забезпеченням міжнародного правопорядку [1, с. 37].

Прийняття Римського статуту Міжнародного уголовного суду 17 липня 1998 г. дало нові надії і кинуло нові виклики міжнародній судовій юстиції, поклало початок якісному новому етапу в її розвитку [2, с. 153], створюючи універсальний механізм, призначений замінити існуючу практику міжнародних трибуналів *ad hoc* [3, с. 70]. Таким чином, постійна і всесвітня

уголовна юрисдикція може скоротити час на реакцію з боку міжнародного суспільства в разі скоєння масових злочинів [4, с. 60-61].

Відмінність від Уставів трибуналів *ad hoc* по колишній Югославії та Руанді, які були прийняті резолюціями Рад Безпеки ООН, Устав Міжнародного уголовного суду обговорювався декілька років і був в результаті прийнятий у вигляді угоди. В час цих переговорів було зроблено багато компромісів з метою представити Устав прийнятним для найбільш можливого числа держав.

В частині, повноваження судів були значно скорочені, щоб зменшити побоювання деякого числа держав про те, що МУС може втрутитися в їх суверенітет. Результатом багатьох обмежень, встановлених для судів

указанным уставом, процессуальными нормами, положениями о доказательствах и составах преступлений, будет решительное препятствование необходимому развитию права судами и ограничение роли судей по существу механической функцией. Эти ограничивающие меры служат доказательством определенного недоверия многих государств к независимости международных уголовных трибуналов, и они поднимают ряд вопросов касательно способности Международного уголовного суда эффективно выполнять функции судебного органа и квалификации его судей по выполнению своего мандата [5, с. 56].

Анализ последних исследований и публикаций

Проблемам внутренних конфликтов посвящены работы многих иностранных и отечественных ученых. Среди последних следует отметить В.Г. Буткевича, О.В. Буткевича, В.Н. Денисова, Л.Д. Тимченко, В. Гамура, О.Н. Толочко, Н.Н. Гназовского, О.В. Касинюк, Д.И. Кулебу, В.М. Репецкого, Н.В. Дремину, В.П. Базова, Т.Р. Короткого, В.М. Лисика и других.

Формулирование целей статьи

Целью статьи является осуществление исторического и юридического анализа Римского статута МУС в части, регламентирующей вопросы внутренних конфликтов, а также анализ первой практики МКС в этой области.

Изложение основного материала исследования

Текущие усилия в рамках ООН по созданию постоянного суда начались полстолетия назад с предложения французского судьи Международного военного трибунала в Нюрнберге Анри Доннедьо де Варбеса в 1947 году. К сожалению, остается малоизвестным тот факт, что первое серьезное предложение подобного рода было сделано более 125 лет тому назад Густавом Муанье, одним из основателей и президентов МККК. Он представил к рассмотрению проект Конвенции об учреждении международного судебного органа, ответственного за предупреждение и на-

казание нарушений Женевской конвенции в 1872 году. Статья 1 этого проекта упоминала о том, что «с целью обеспечения имплементации Женевской конвенции от 22 августа 1864 г. и ее дополнительных статей будет учрежден, – на случай войны между двумя или более Договаривающимися Державами, – трибунал, которому могут адресоваться жалобы относительно нарушений вышеупомянутой Конвенции». Можно увидеть значительное различие между компетенцией Трибунала, предложенного Муанье, и Международным уголовным судом: первый мог обладать юрисдикцией по отношению к преступлениям, совершенным только во время международных вооруженных конфликтов, а второй наделен юрисдикцией по отношению к преступлениям, совершенным в обеих ситуациях (международных и немеждународных вооруженных конфликтах).

До тех пор, пока Муанье не выдвинул предложение о создании постоянного суда, почти все судебные процессы о нарушениях законов войны осуществлялись трибуналами *ad hoc*, учрежденными одной из воюющих сторон, – обычно победителем, – скорее, чем обычными судами или Соломоновых Островов Международным уголовным судом [6, с. 57-58].

Некоторые специалисты полагают, что первый международный суд по рассмотрению военных преступлений состоялся в немецком городе Брейзахе в 1474 г., когда 27 судей священной римской империи предъявили Петеруван Хагенбаху обвинение в «попирании законов Бога и человека» во время оккупации его войсками города Брейзах [7, с. 76]. Надо также отметить, что Версальский договор является первым экспериментом по установлению международного правосудия в современных условиях [8, с. 15].

Важнейшую роль в создании Международного уголовного суда сыграла Комиссия международного права ООН, которая пошла по пути создания новой системы [9, с. 28] уголовной ответственности.

После 1996 г. состоялось шесть встреч представителей государств с целью разработки проекта устава международного

уголовного суда для представления на рассмотрение дипломатической конференции, созванной ООН и запланированной для проведения в Риме с 15 июня по 17 июля 1998 года. Она должна была в итоге привести этот длительный проект к завершению. Однако перед принятием статута государства должны были решить такие сложные правовые вопросы, как определение преступлений, подпадающих под компетенцию этого суда, принцип дополнительности между предложенным Международным уголовным судом и национальными судами, автоматическая, или неотъемлемая, юрисдикция этого суда, и механизм инициирования судебного производства [10, с. 22].

В 1994 г. Комиссия международного права приняла проект статута для международного уголовного суда, в котором было предложено предоставить будущему суду юрисдикцию относительно преступлений геноцида, агрессии, серьезных нарушений законов войны, применимых в вооруженном конфликте, преступлений против человечности и других преступлений, определенных в соответствии с положениями этого соглашения, которые, имея отношение к предполагаемому поведению, составляют исключительно серьезные преступления международной важности.

На протяжении нескольких лет, предшествующих Римской конференции, доклады ее Подготовительного комитета показывают некоторое нежелание части государств включить в статут преступления, относящиеся к немеждународным вооруженным конфликтам. Первичный проект статута, представленный Комиссией международного права, не включал в себя подсудность над военными преступлениями, совершенными в таких ситуациях. Так было главным образом из-за того, что во время формирования концепции военных преступлений она рассматривалась в целом относящейся к ситуациям международного вооруженного конфликта. Эта область международного права, тем не менее, развивалась быстро. Несколькими месяцами позже после официального представления

проекта статута Комиссией международного права Генеральной Ассамблее ООН, Совет Безопасности принял резолюцию, одобряющую Устав МУТР.

Несмотря на принятие Уставов МУТР и МУТЮ, государства, участвующие в разработке Статута Международного уголовного суда, разошлись во мнениях по вопросу о включении подсудности над военными преступлениями, совершенными во время немеждународных вооруженных конфликтов.

По отношению к преступлениям, совершенным в немеждународных вооруженных конфликтах, дискуссии вызвали яростную схватку между двумя лагерями, которая продолжалась до самого последнего дня Римской конференции. Согласно докладу, распространенному *ad hoc* Комитетом по учреждению Международного уголовного суда в 1995 г., существовали различные мнения о том, должны ли законы и обычаи, применимые в вооруженном конфликте, включать положения, регулирующие немеждународные вооруженные конфликты, в особенности общую ст. 3 Женевских конвенций и II Дополнительный протокол к ним.

Несмотря на это, другие делегации выразили серьезные оговорки относительно возможности включения немеждународных вооруженных конфликтов и подвергли сомнению согласованность такого подхода с принципом комплиментарности. Касательно II Дополнительного протокола была высказана точка зрения о том, что этот документ в целом не достиг статуса обычного права и поэтому был обязывающим только для государств-участников данного соглашения. Также было выражено мнение о том, что немеждународные вооруженные конфликты не должны подпадать под юрисдикцию суда или по отношению к общей ст. 3 или II Дополнительному протоколу [11, с. 421-422].

США предложили ограничить перечень военных преступлений, совершенных во внутренних конфликтах, рамками серьезных нарушений общей ст. 3. Со временем позиция США изменилась до такой степени, что они были одними из сторонников

включения военных преступлений, совершенных во внутренних вооруженных конфликтах, в указанный Статут [12, с. 263]. Выступая от имени США, Дж. С. Борек подчеркнул, что было необходимым включить случаи внутренних вооруженных конфликтов, которые являются наиболее частыми и жестокими [13]. Финский министр внутренних дел Тарья Халонен заявил, что поскольку конфликты часто были гражданскими и внутренними по своей природе и временами не имелось в распоряжении эффективных национальных систем, мандат суда должен распространять влияние на такие ситуации [13].

Аргументы, противодействующие включению положений, относящихся к немеждународным вооруженным конфликтам, были во многом похожими на те, что были подняты на Дипломатических конференциях, где были составлены проекты Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 года. Была выражена озабоченность по поводу возможности внешнего вмешательства во внутренние дела суверенных государств и недостатка ясности о том, как суд будет определять статус конкретных ситуаций.

Вслед за представлением доклада Комитета *ad hoc* был основан Подготовительный комитет по учреждению Международного уголовного суда. Первый доклад этого комитета, распространенный в 1996 г., был посвящен проблеме типа вооруженного конфликта.

Этот доклад констатировал, что существовали различные взгляды о том, должны ли военные преступления включать нарушения, совершенные в международных и немеждународных вооруженных конфликтах. Некоторые делегации высказали мнение о том, что необходимо включить нарушения, совершенные в немеждународных вооруженных конфликтах, принимая во внимание их возрастающую частоту в последние годы. Другие делегации придерживались точки зрения о том, что нарушения, совершенные в немеждународных вооруженных конфликтах, не должны быть включены, что их включение было нереальным и могло подрвать

универсальное признание суда, что индивидуальная уголовная ответственность за такие нарушения не была четко установлена как вопрос действующего права с акцентированием внимания на отсутствии положений об уголовном преступлении и правоприменении во II Дополнительном протоколе и что обычное право не изменилось в этом отношении после принятия Статута Трибунала по Руанде [11, с. 422].

Несмотря на расхождение взглядов по этому вопросу, Подготовительный комитет решил включить некоторые положения, относящиеся к внутренним вооруженным конфликтам, во время заседания, которое состоялось в феврале 1997 года.

Вопрос о включении новой нормы о пороге признания ситуаций немеждународного вооруженного конфликта возник как средство содействия консенсусу по разделам C и D статьи 5. Бюро Комитета полного состава сформулировало предложение, основанное на тексте ст. 1 (1) II Дополнительного протокола. Бюро сделало акцент на том, что раздел D применяется к вооруженным конфликтам немеждународного характера и соответственно не распространяется на ситуации внутренних беспорядков и напряженности, таких как мятежи, отдельные и спорадические акты насилия или другие действия подобного рода. Он относится к вооруженным конфликтам, которые имеют место на территории государства-участника между его вооруженными силами и другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью его территории, который дает им возможность проводить продолжительные и согласованные боевые действия [14].

Турция, Алжир, Пакистан, Катар, Ирак и Оман выразили свое сопротивление включению статьи, имеющей отношение к немеждународным вооруженным конфликтам.

Профессор Герхард Хафнер, член австрийской делегации, выступая от имени Европейского Союза и его государств-участников, заявил что ст. 5 должна также

распространять свое действие на конфликты, в которых участвуют только организованные вооруженные группы, независимо от того, осуществляют ли они контроль над территорией [15]. Это предложение было поддержано представителями Финляндии, Румынии, Литвы, США и Судана.

В качестве альтернативы порогу интенсивности, представленного вышеупомянутым Бюро, представители Сьерра-Леоне выдвинули предложение во время 35-го заседания Комитета полного состава 13 июля 1998 г. Выступая от имени Сьерра-Леоне, Фодэ М. Дабор заявил, что вступительную часть раздела D, которая ссылалась на организованные вооруженные группы, осуществляющие «контроль над частью территории», следует заменить следующим текстом: «Раздел применяется к вооруженным конфликтам, которые имеют место на территории государства, когда существует длительное вооруженное столкновение между правительством и организованными вооруженными группировками или между такими группировками» [16].

Это предложение было поддержано делегациями многих стран, в частности Гвинеи-Биссау, Судана, Уганды, Словении, Боснии и Герцеговины, Соломоновых Островов и т.д. Оно было включено в сводный текст проекта статута в качестве ст. 8(2)(f) и предложено для утверждения. Статут Международного уголовного суда был принят 17 июля 1998 г., 120 из 162 государств проголосовали «за».

Полномочная конференция ООН по вопросу учреждения Международного уголовного суда в Риме (июль 1998 г.) предоставила возможность государствам выразить их взгляды, среди прочего, о рамках предметной юрисдикции будущего Международного уголовного суда и, вследствие этого, опосредованно по предмету, который был поставлен на карту: считают ли они, что нарушения законов войны, совершенные во время внутренних вооруженных конфликтов, являются военными преступлениями?

Представитель Армении утверждал, что Международный уголовный суд дол-

жен «обладать юрисдикцией по отношению к геноциду, преступлениям против человечности, где бы они не совершались, военным преступлениям, серьезным нарушениям гуманитарного права в международных и немеждународных вооруженных конфликтах, преступлениям агрессии и преступлениям терроризма».

Представитель Бангладеш заявил, что его государство решительно поддерживает полное введение в действие общей ст. 3 Женевских конвенций 1949 года, поскольку различие между международными и немеждународными конфликтами, рассматриваемое с точки зрения системы всеобщего мира и безопасности, все больше и больше становится неуместным.

Сорок три других государства включили похожие декларации в свои индивидуальные заявления, а группы государств (Европейский Союз и Южноафриканское содружество развития (SADEC)) сделали акцент на этом отдельном вопросе.

Министр иностранных дел Великобритании заявил от имени Европейского Союза 15 июня 1998 г.: «Мы хотим подчеркнуть, что большинство вооруженных конфликтов сегодня являются внутренними, а не международными. Поэтому военные преступления, предусмотренные юрисдикцией Международного уголовного суда, должны включать те, которые совершены во внутренних, а также международных вооруженных конфликтах».

Важно отметить, во время конференции группа из 62 государств, имеющих аналогичную точку зрения, настоятельно требовала включить в Статут Международного уголовного суда шесть компоновочных блоков. Среди них было обязательство о том, что «Статут должен оговорить следующее условие: военные преступления, совершенные во время внутренних конфликтов, являются наказуемыми правонарушениями, подлежащими юрисдикции Суда».

Эта твердая поддержка включения военных преступлений, совершенных во время внутренних вооруженных конфликтов, в юрисдикцию Международного уголовного суда контрастировала с позицией, занятой небольшим количеством

государств, выступивших против такого включения.

Индия была единственным государством, однозначно выступающим за исключение военных преступлений, совершенных во внутренних вооруженных конфликтах, из юрисдикции Суда на основании того, что не существует согласия о том, могут ли конфликты немеждународного характера быть охвачены определением таких преступлений (преступлений против человечности и военных преступлений) в обычном международном праве.

Во время самой конференции дальнейшие обсуждения проиллюстрировали разногласия между этими двумя группами государств. С одной стороны, заявления, сделанные США или Германией, резюмируют позицию значительного большинства делегаций.

Представитель США подчеркнул твердое убеждение своего правительства в том, что серьезные нарушения первичных обычных норм, воспроизведенных в общей ст. 3, должны быть основой предметной юрисдикции Международного уголовного суда в отношении немеждународных вооруженных конфликтов... США настаивали также, чтобы существовал раздел, охватывающий другие нормы по ведению боевых действий в немеждународных вооруженных конфликтах [17, с. 162-163].

Представитель Германии продолжал приводить доводы о существовании общего соглашения о том, что лица, совершившие нарушения законов и обычаев, применимых во время конфликтов, должны быть подданы уголовному преследованию, преданы суду и наказаны... Военные преступления, совершенные во время немеждународных вооруженных конфликтов, должны быть включены в юрисдикцию Международного уголовного суда ввиду их возрастающей частоты и недостаточности национальных систем уголовного правосудия в реагировании на такие нарушения [18].

С другой стороны, только восемь государств (Китай, Сирия, ОАЭ, Бахрейн, Иордания, Судан, Индия, Турция) выразили пожелание, чтобы военные преступле-

ния, совершенные во время внутренних вооруженных конфликтов, были исключены из юрисдикции Международного уголовного суда. Представитель Судана придерживался мнения о том, что II Дополнительный протокол не имел статуса упрочившегося международного права и он также образовал пробел для вмешательства во внутренние дела государств [19].

Представитель Индии заявил, что не может быть однородной структуры толкования международных и немеждународных вооруженных конфликтов, поскольку существуют суверенные государства.

В завершающий день конференции представитель Судана взял слово по поручению группы арабских стран и разъяснил возражения и опасения последних по отношению к учреждаемому суду из-за нескольких причин. Среди них он отметил, что арабские государства боялись включения немеждународных вооруженных конфликтов в статут, которое сделало бы возможным вмешательство во внутренние дела государств под неубедительными предлогами.

Возражения вышеупомянутых государств вынудили других пойти на компромисс и исключить некоторые военные преступления из текста ст. 8 (2) (е), но это не предотвратило включение военных преступлений, совершенных во время внутренних вооруженных конфликтов, всецело в юрисдикцию суда. Позиции, занятые государствами во время Римской конференции, не только иллюстрируют их взгляды о предоставлении суду юрисдикции над внутренними вооруженными конфликтами, но также показывают, что, несомненно, большинство государств приравнивали серьезные нарушения законов войны к военным преступлениям [17, с. 164].

Статут предусматривает, что юрисдикция Международного уголовного суда ограничивается «самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества» [20, с. 34], какими являются геноцид, преступления против человечности, военные

преступления и преступления агрессии. Соответственно, лицо, которое совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, несет индивидуальную ответственность и подлежит наказанию в соответствии с настоящим Статутом. Международный уголовный суд обладает юрисдикцией по отношению к преступлениям, совершенным после вступления в силу данного Статута, и по отношению к государствам, которые стали участниками этого соглашения.

Более того, юрисдикция может осуществляться только при условии, если государство, на территории которого было совершено противоправное деяние, или государство, гражданином которого является лицо, обвиняемое в совершении преступления, является участником Статута. Это означает, что юрисдикция Международного уголовного суда является не универсальной, а территориальной или индивидуальной по своей природе. Это также означает, что гражданин государства, которое не является участником Статута, может быть поддан преследованию в уголовном порядке, если преступление совершено на территории государства, которое является стороной этого соглашения.

Тем не менее, Суд может также иметь юрисдикцию там, где ситуация была передана на рассмотрение Прокурору этого Суда Советом Безопасности, действующим на основании Главы VII Устава ООН; в этом случае не обязательно, чтобы соответствующее государство было участником Статута. Это случилось в отношении ситуации в Дарфуре (Судан), которая была передана на рассмотрение Прокурора 31 марта 2005 г. Резолюцией 1593 Совета Безопасности [21, с. 411-412].

После предварительного изучения ситуации 1 июня 2005 г. было начато расследование преступлений, совершенных в Дарфуре после 1 июля 2002 г., которое длилось двадцать месяцев. По его результатам Прокурор представил доказательства судьям, и двум гражданам Судана (офицеру вооруженных сил и министру правительства) были вручены повестки о

явке в Суд по обвинениям, инкриминирующим совершение военных преступлений и преступлений против человечности [22]. Ордера на арест были выданы этим двум лицам 27 апреля 2007 г. досудебной палатой № 1 [23].

Римский статут Международного уголовного суда, принятый в июле 1998 г. под эгидой ООН [24, с. 71], представляет существенное развитие в праве внутреннего вооруженного конфликта, являясь единственным глобальным наднациональным судебным органом [25, с. 172]. Таким образом, Международный уголовный суд способен избежать тех нападков, которым подвергались Международные военные трибуналы после Второй мировой войны, когда их обвинили в отсутствии объективности, характеризовали как суды победителей, суды *postfactum* [26, с. 73]. Статья 5 Статута перечисляет четыре преступления, которые очерчивают юрисдикцию Суда: преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления и преступления агрессии. В то время, как преступление геноцида, преступления против человечности и военные преступления были детально определены в ст.ст. 6-8 Статута, он до сих пор не содержит определения преступления агрессии.

Согласно ст. 5(2) Статута, Международный уголовный суд будет осуществлять юрисдикцию в отношении преступления агрессии, как только будет принято положение, содержащее определение этого преступления и излагающее условия, в которых Суд осуществляет юрисдикцию касательно этого преступления. По вопросу о констатации акта агрессии развернулась основная дискуссия на конференции в Риме, но компромисс так и не был достигнут [27, с. 91]. В целях достижения компромисса Ассамблея Международного уголовного суда учредила Специальную рабочую группу, которая открыта для всех государств, принимавших участие в работе конференции 1998 г. и подписавших Заключительный акт Дипломатической конференции [28, с. 114].

Преступления могут быть квалифицированы как геноцид в случае, если они

соответствуют конкретным условиям, изложенным в ст. 6, независимо от вида вооруженного конфликта. Не имеет значения, совершено ли это преступление в ситуациях международного или немеждународного вооруженного конфликта или в случае внутренних беспорядков и напряженности. Правовые выводы Международного уголовного суда по преступлению геноцида не будут зависеть от квалификаций лежащего в его основе вооруженного конфликта [29, с. 401-402].

Подобно положению о геноциде, редакция ст. 7 (преступления против человечности) четко не упоминает ситуацию вооруженного конфликта. На него есть ссылка только в двух случаях. Формулировка «нападение на любых гражданских лиц» в части 1 упомянутой статьи и соответствующее определение этого термина в пункте 2 (а), а также определение термина «депортация или насильственное перемещение населения» в пункте 2 (d) могут указывать на то, что такие действия составляют преступления против человечности только в случае, когда они совершены в ситуациях международного или немеждународного вооруженного конфликта.

Примечательным является сравнение рассматриваемого международно-правового акта с Уставом МУТЮ, поскольку ст. 5 последнего недвусмысленно подчеркивает, что преступления против человечности «совершаются в вооруженном конфликте, международном или внутреннем по своему характеру» [29, с. 403-404].

Ключевым положением Римского статута, касающимся военных преступлений, является ст. 8. Она состоит из 50 пунктов, предусматривая в общей сложности составы 71 военного преступления, которые разделены на 4 категории согласно своей применимости в международных или немеждународных вооруженных конфликтах:

(а) Статья 8(2)(а): серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. против лиц или имущества, охраняемых согласно положениям соответствующей Женевской конвенции (международный вооруженный конфликт);

(b) Статья 8(2)(b): другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах;

(c) Article 8(2)(c): серьезные нарушения статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций 1949 г. (немеждународный вооруженный конфликт);

(d) Статья 8(2)(e): другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера.

Наряду с тем, что существует значительное совпадение между нормами, относящимися к международным и немеждународным вооруженным конфликтам, положения, регулирующие первые из них, являются более детальными. Элементы составов преступлений, которые содержатся в ст. 9 Римского статута, указывают на 46 отдельных военных преступлений, относящихся к международному вооруженному конфликту, по сравнению только с 25 видами, относящимися к немеждународному вооруженному конфликту [30, с. 198-199].

Что касается военных преступлений, совершенных во время внутренних вооруженных конфликтов, Статут воспроизводит большое количество военных преступлений, составы которых сформулированы для международных вооруженных конфликтов. Однако примерно половина положений ст. 8, применимых в международных вооруженных конфликтах, не были включены в статьи о немеждународных вооруженных конфликтах. Причины этого двоякие:

1. Некоторые из положений по самой своей природе не применимы к немеждународным вооруженным конфликтам.

2. В отношении других положений несколько государств придерживались мнения о том, что последние еще не достигли статуса обычных норм международного права и поэтому не должны быть включены.

Последнее мнение преобладало по отношению к идее невключения положений об использовании запрещенных видов оружия во время внутренних вооруженных

конфликтов. Эта точка зрения заслуживает особого сожаления, если ее рассматривать в свете определения Апелляционной палаты МУТЮ по делу Тадича о том, что обычные нормы, запрещающие использование конкретных видов оружия, являются в равной степени применимыми к немеждународным вооруженным конфликтам [31, с. 347-348].

Подобно преступлениям против человечности, существовал всеобщий консенсус среди стран-участниц о том, что серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженном конфликте, должны быть включены в Римский статут. Включение нарушений, предусмотренных общей ст. 3 Женевских конвенций, в Римский статут (ст. 8 (с)) встретило сопротивление Китая, Индии, Индонезии, Пакистана, а также Турции. Как Апелляционная палата МУТЮ, так и МУТР ясно подтвердили, что в соответствии с современными нормами обычного международного права нарушения общей ст. 3 даже во внутренних вооруженных конфликтах влекут за собой индивидуальную уголовную ответственность лица, совершающего такие действия [12, с. 269-270].

Статья 8(2)(с) логически вытекает из общей ст. 3 Женевских конвенций 1949 г. и инкриминирует такое поведение, как посягательство на жизнь и личность, посягательство на человеческое достоинство, взятие заложников и отказ в праве на надлежащую правовую процедуру. Тот факт, что против этих положений все же выступали некоторые государства, был неожиданностью в свете заключения Международного суда в деле Никарагуа против США, в котором суд рассматривал эти нормы в качестве продолжения минимальной мерки в международных вооруженных конфликтах. Подобным образом, МУТЮ в деле Тадича, а также МУТР в решении по делу Акаесу установили, что уголовная ответственность распространяется на серьезные нарушения Женевских конвенций во время внутренних вооруженных конфликтов.

Статьи 8(2)(с) и 8(2)(е) согласуются с

идеями о том, что режим серьезных нарушений Женевских конвенций не ограничен рамками международного вооруженного конфликта, но также применяется к немеждународным вооруженным конфликтам посредством практики государств и *opinio juris* [29, с. 413].

Статья 8(2)(d) отрицательно определяет термин вооруженный конфликт немеждународного характера к ситуациям, которые не составляют «случаев нарушения внутреннего порядка и возникновения напряженности, таких как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия или иные акты аналогичного характера». Похожая норма содержится в ст. 8(2)(f), которая разграничивает рассматриваемое положение с «другими серьезными нарушениями законов и обычаев, применимых во время внутренних конфликтов». К тому же, в ст. 8(2)(d) обозначены пределы понятия «немеждународный вооруженный конфликт» путем установления того, что «пункт 2(с) применяется в отношении вооруженных конфликтов, которые имеют место на территории государства, когда идет длительный вооруженный конфликт между правительственными властями и организованными вооруженными группами или между самими такими группами» [32, с. 467].

В поддержку ст. 8(2)(с), пункт (е) запрещает деяния, которые не включены в общую ст. 3 Женевских конвенций 1949 г., но которые, тем не менее, составляют часть законов и обычаев, применимых во время внутренних вооруженных конфликтов. Преступления под этим заголовком – все они уже фигурируют с такой же или похожей формулировкой в ст. 8(2)(b) Статута – в значительной степени основаны на положениях II Дополнительного протокола и касаются нападения, которые умышленно направлены против гражданских лиц, важных культурных сооружений, госпиталей, подразделений Красного Креста и Красного Полумесяца и других работников гуманитарных организаций, таких как миссии по поддержанию мира [33, с. 65-66], набор или вербовка детей в возрасте до 15 лет в состав вооруженных сил или

групп или использование их для активного участия в боевых действиях.

Отдача распоряжений о перемещении гражданского населения по причинам, связанным с конфликтом, если только этого не требуют соображения безопасности соответствующего гражданского населения или настоятельная необходимость военного характера, является единственным военным преступлением в ст. 8(2)(е), которое не имеет аналогичной формулировки в ст. 8(2)(b). Подготовительный комитет принял решение внести следующую ясность в элементы состава данного преступления: было определено, что «отдача распоряжений о перемещении гражданского населения» подразумевает действия лица, отдающего соответствующий приказ, но не того, кто просто осуществляет такое перемещение. Авторы проекта констатировали, что перемещение одного человека не будет составлять признаков состава данного преступления [31, с. 400-401].

Статья 8(2)(е)(vi) заслуживает особого внимания, так как прибавляет к перечню серьезных нарушений гуманитарного права, совершенных во время немеждународных вооруженных конфликтов, «изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительную беременность..., принудительную стерилизацию и любые другие виды сексуального насилия». Она недвусмысленно устанавливает, что любой другой вид сексуального насилия также представляет собой грубое нарушение ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций [29, с. 419].

Заключительный состав военного преступления, совершенного во время внутренних вооруженных конфликтов и подпадающего под юрисдикцию МУС, можно найти в Конвенции о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала 1994 г. в качестве явного нарушения международного гуманитарного права. Статья 8(2)(е)(iii) запрещает «умышленное нанесение ударов по персоналу, объектам, материалам, подразделениям или транспортным средствам, задействованным в оказании гуманитарной помощи или в миссии

по поддержанию мира в соответствии с Уставом ООН, пока они имеют право на защиту, которой пользуются гражданские лица или гражданские объекты по международному праву вооруженных конфликтов».

Эта норма инкриминирует вышеуказанное деяние впервые в Статуте Международного уголовного суда, но она возникла как продолжение первых двух запретов, появившихся в этом документе: нападение на гражданское население и лиц hors combat. Миссии ООН по поддержанию мира подлежат защите только до тех пор, пока они уполномочены на защиту, предоставленную гражданским лицам или гражданским объектам.

При определении составов военных преступлений в международных вооруженных конфликтах и немеждународных вооруженных конфликтах применялась разная терминология для описания одного и того же поведения, что затрудняет сопоставление этих положений.

Глава Статута об элементах преступлений демонстрирует высокую степень непоследовательности при формулировке различных преступлений. Например, умышленное убийство во время международного вооруженного конфликта в ст. 8(2)(а)(i) приравнено к тяжкому убийству во время внутреннего вооруженного конфликта в ст. 8(2)(с)(i). МУТЮ в отношении какого бы то ни было различия между понятиями «умышленное убийство» в контексте международного вооруженного конфликта с одной стороны и «тяжкое убийство» в контексте немеждународного вооруженного конфликта – с другой, сделал вывод о том, что не может быть очерчена линия между понятиями «умышленное убийство» и «убийство», которая затрагивает их содержание [34, paras 422, 423].

Относительно существования какого-либо различия между понятием «пытки» в контексте международного вооруженного конфликта с одной стороны, и в контексте немеждународного вооруженного конфликта – с другой, МУТЮ сделал вывод о том, что характеристики преступлений

пытков, предусмотренных в общей ст. 3 и в положениях о «серьезных нарушениях» Женевских конвенций, не отличаются. Кроме того, преступления, которые вытекают из положений Дополнительных протоколов I и II, отображают различие между последними, указывая на то, что нарушения законов и обычаев войны, применимых к международным вооруженным конфликтам, предусмотрены в ст. 8(2)(b), а нарушения законов и обычаев войны, применимых к немеждународным вооруженным конфликтам, предусмотрены в ст. 8(2)(c) и ст. 8(2)(e).

Руководитель американской делегации на Римской конференции заявил, что отличия между статьями 8(2)(b) и 8(2)(e) отражают согласие большинства делегатов с тем, что «обычное международное право развивалось в более ограниченном объеме по отношению к внутренним вооруженным конфликтам» [30, с. 205].

Четыре положения относительно использования оружия в международных вооруженных конфликтах отсутствуют среди норм, касающихся немеждународных вооруженных конфликтов. Ими являются:

(a) статья 8(2)(b)(xvii): применение яда или отравленного оружия;

(b) статья 8(2)(b)(xviii): применение удушающих, ядовитых или других газов или любых аналогичных жидкостей, материалов или средств;

(c) статья 8(2)(b)(xix): применение легкоразрывающихся пуль;

(d) статья 8(2)(b)(xx): применение оружия, которое может причинить чрезмерные повреждения или ненужные страдания.

Упущение из текста Римского статута положений о запрещении оружия, предусмотренных в Дополнительном протоколе II, привело к суждению о том, что эти запреты никогда не признавались в качестве обычного международного права по отношению к внутренним вооруженным конфликтам. Однако в 1997 г. Международный Комитет Красного Креста указал, что применение «оружия, боеприпасов и техники, а также методов ведения войны такого характера, которые вызывают чрезмерные

повреждения или ненужные страдания», является серьезным нарушением международного гуманитарного права, применяемого в немеждународных вооруженных конфликтах.

Также можно отметить и другие преступления, ограниченные исключительно международными вооруженными конфликтами: умышленное нанесение ударов и вреда окружающей среде; нанесение ударов по незащищенным местам, которые не являются военными объектами; ненадлежащее использование флагов и других военных знаков; использование живых щитов.

Другим пробелом в сфере военных преступлений, применяемых к внутренним вооруженным конфликтам, является то, что не существует никаких норм, которые регламентировали бы запрещение умышленного подвержения гражданского населения голоду. В этом смысле Апелляционная палата МУТЮ в своем решении по делу Тадича заявила: «То, что является негуманным и, следовательно, запрещено в международных войнах, не может быть гуманным и допустимым в гражданской войне» [31, с. 348].

В случае проведения различия между «другими серьезными нарушениями», упомянутыми в статьях 8(2)(b) и 8(2)(e) Римского статута, многие преступления фигурируют в обеих статьях под одинаковой терминологией [35, с. 483]. Тем не менее, тот факт, что они содержатся в разных статьях, обязывает следствие установить характер вооруженного конфликта для того, чтобы добиться осуждения по обвинению в совершении конкретного военного преступления [30, с. 217].

Военные преступления, как они определены в ст. 8(2)(c) Римского статута, касаются действий, совершенных в обстановке вооруженного конфликта немеждународного характера против лиц, не принимающих активного участия в военных действиях, включая членов вооруженных сил, которые сложили оружие, и тех, кто был отнесен к числу horsdecombat в связи с болезнью, ранением, задержанием или любой другой причиной [36, с. 383].

Вышеупомянутый порог для применимости ст. 8(2)(с) является приемлемым и к ст. 8(2)(е). Пункт 2(е) также касается вооруженных конфликтов немеждународного характера и, таким образом, не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения напряженности, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия или иные акты аналогичного характера.

Сфера действия подпункта (е) была, кроме того, ограничена дополнительным положением о том, что он применяется в отношении вооруженных конфликтов, которые имеют место на территории государства, когда идет длительный вооруженный конфликт между правительственными властями и организованными вооруженными группами или между самими такими группами. Этот порог, однако, не содержит дополнительных условий ст. 1 (1) Дополнительного протокола II.

Во время Римской конференции было предложено воспроизвести ст. 1 (1) II Дополнительного протокола в качестве дополнительного порога применимости пункта (е). Это означало бы, что только те конфликты, в которые вовлечены вооруженные силы государства или другие организованные группы, могут регулироваться пунктом (е) ст. 8, исключая, таким образом, раскольнические вооруженные силы, сражающиеся друг против друга.

К тому же, эти раскольнические вооруженные силы, или вооруженные группы, должны находиться под ответственным командованием, осуществлять такой контроль над частью территории государства, который позволит им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия, и быть в состоянии обеспечивать выполнение международного гуманитарного права [37, с. 323].

Считаем целесообразным исследовать и практику МУС, которая находится в начальной стадии; в связи с этим необходимо сделать краткое изложение дел, которые поступили на рассмотрение суда.

Ситуация в Демократической Республике Конго была передана на рассмотрение суда в апреле 2004 г. 17 марта 2006

года господин Томас Лубанга Дийло – конголезский гражданин, заявленный в качестве основателя и лидера Союза конголезских патриотов, – был препровожден в суд. Согласно решению суда, была создана Судебная палата I, в которую было передано дело господина Лубанги для рассмотрения. Последнему инкриминируют совершение военных преступлений, главным образом рекрутирование и вербовка детей моложе 15 лет и использование их для активного участия в военных действиях.

Палата предварительного производства Международного уголовного суда 17 февраля 2005 г. вынесла первое решение в истории Суда [38, с. 188]. Международный уголовный суд 29 января 2007 г. вынес первое решение по подтверждению обвинений [39], в котором 50 страниц текста было уделено проблемам Общей части международного уголовного права [40, с. 471]. Палата предварительного производства Международного уголовного суда в 2006 г. выделила в своем решении по делу Лубанги три критерия установления порога «серьезности» рассматриваемой ситуации: (1) преступное поведение должно отличаться признаками систематичности или крупномасштабности, а также высокой степенью социальной тревоги и обеспокоенности со стороны международного сообщества; (2) преследуемое лицо должно занимать в государственном органе, организации или вооруженной группе должность категории самых старших военачальников или высокопоставленных гражданских начальников; (3) значительность роли преследуемых лиц при совершении преступлений [41, с. 208-209].

В октябре 2007 г. конголезские власти выдали и доставили в Гаагу второго подозреваемого, господина Жермена Катангу. Он обвиняется в совершении шести военных преступлений и трех преступлений против человечества, действуя в качестве командующего Патриотических сил сопротивления в Итури. В феврале 2008 г. третий подозреваемый, господин Мэтью Нгуджоло Чуй, был арестован и впоследствии передан суду. Ему инкриминируют

совершение преступлений против человечества и военных преступлений во время его пребывания на должности лидера Национально фронта объединения.

Палата предварительного производства I объединила эти дела, и слушания по подтверждению обвинений начались 27 июня 2008 года. Также в апреле 2008 г. эта палата выдала ордер на арест на имя господина Боско Нтаганда, который обвиняется в совершении военных преступлений, таких как призыв на военную службу и вербовка детей моложе 15 лет и использование их для участия в военных действиях в Итури с июля 2002 г. по декабрь 2003 г. [42, с. 716, 718-719].

В июле 2012 г. Международный уголовный суд вынес первый в своей истории приговор – бывшему лидеру одной из повстанческих группировок Демократической Республики Конго (ДРК) Томасу Лубанге Дьило, он был признан виновным в вербовке детей-солдат во время вооруженного межэтнического конфликта в конголезской провинции Итури в 2002-2003 гг. и приговорен к 14 годам лишения свободы.

Касательно конфликта в Северной Уганде нужно отметить, что 14 октября 2005 г. Главный обвинитель Международного уголовного суда Луис Морено Окампо выдал ордера на арест на имя пятерых лидеров Армии сопротивления господ: Джозефа Кони, Винсента Отти, Окота Одхиамбо, Доминика Онгуена и Раска Луквья. Им инкриминируется совершение преступлений против человечности и военных преступлений, таких как сексуальное порабощение, изнасилование, преднамеренное нападение на гражданские лица и принудительная вербовка детей-солдат [43, с. 179].

Ситуация в Дарфуре (Судан) была передана на рассмотрение Международного уголовного суда Советом Безопасности ООН в марте 2005 г. [44], который определил, что положение в Судане представляет угрозу международному миру и безопасности. В мае 2007 г. Палата предварительного производства I выдала два ордера на арест на имя действующего Государственного

министра Судана по гуманитарным делам г-на Ахмада Мухаммада Харуна и лидера Народного ополчения Жанжавид г-на Али Абд-Ал-Рахмана, также известного как Али Кушаиб. Также палата сделала заключение о том, что представленные доказательства дают достаточные основания полагать, что указанные лица совершили преступления против человечности и военные преступления, которые включают преследования, пытки, изнасилования и убийства.

Ситуация в Центральноафриканской Республике была передана на рассмотрение Суда в декабре 2004 года. В январе 2005 г. дело было распределено Палате предварительного производства III и после детального анализа данной ситуации 22 мая 2007 г. было объявлено об открытии производства по данному делу. В июле 2008 г. г-н Жан-Пьер Бемба Гомбо, обвиняемый в совершении множественных преступлений против человечности и военных преступлений, включая убийства и изнасилования, был переведен бельгийскими властями в центр содержания под стражей Суда в Гааге [42, с. 720].

Статут Международного уголовного суда характеризуется традиционным различием между международными и немеждународными вооруженными конфликтами, к которым применяются положения гуманитарного права, с одной стороны, и внутренними беспорядками и напряженностью, которые обычно регулируются нормами внутреннего правопорядка, – с другой. Принимая во внимание сложность современных и будущих вооруженных конфликтов, становится существенным подробное обозначение временных и географических рамок вооруженных конфликтов и установление соответствующих типов отдельных подконфликтов в рамках более сложного вооруженного конфликта. Тем не менее, границы между этими типами вооруженного конфликта, а также ситуациями внутренних беспорядков и напряженности, кажутся отчетливыми в правовом определении, но неясными и нестабильными на практике. Отличительные критерии немежду-

народных вооруженных конфликтов в противоположность ситуациям внутренних беспорядков и напряженности с одной стороны, и международные вооруженные конфликты – с другой были формально усовершенствованы международной уголовной юриспруденцией.

Юрисдикция Международного уголовного суда в отношении геноцида и преступлений против человечности является всеобъемлющей в применении как к международным, так и немеждународным вооруженным конфликтам. Однако юрисдикция относительно военных преступлений не только отличается формально, но и по существу касательно этих типов конфликтов. Серьезные нарушения общей

ст. 3, как и другие серьезные нарушения законов и обычаев войны, применимых в немеждународных вооруженных конфликтах, не предусматривают всестороннюю уголовную ответственность лиц, совершивших преступления во время немеждународных вооруженных конфликтов. Перечень других серьезных нарушений не содержит ни общей статьи, которая влекла бы за собой индивидуальную уголовную ответственность за жестокое обращение с лицами, которые не участвуют в военных действиях, ни уголовных санкций за совершение таких противоправных действий, как коллективные наказания, рабство и работорговля, акты терроризма и распространение террора.

Литература

1. Международные Суды и международное право. Сборник обзоров / [составители : Ю. Л. Атливанников, М. Л. Энтин, Н. Н. Разумович ; Академия наук СССР. Институт научной информации по общественным наукам]. – М. : ИНИОН АН СССР, 1986. – 193 с.
2. Михайлов Н. Г. Преступления против человечности в Статуте МУС и в Уставе и решениях МТБЮ / Н. Г. Михайлов // Международное право – International Law. – М., 2007. – № 1 (29). – С. 153-162.
3. Ведерникова О. Н. Римский статут Международного уголовного суда: критический анализ / О. Н. Ведерникова // Государство и право. – 2009. – № 5. – С. 70-78.
4. Фифе Р. Э. Международный уголовный суд / Р. Э. Фифе // Московский журнал международного права. – 2001. – № 1 (41). – С. 60-87.
5. Hunt D. The International Criminal Court. High Hopes, 'Creative Ambiguity' and an unfortunate mistrust in international judges / D. Hunt // Journal of International Criminal Justice. – 2004. – Vol. 2, No 1. – P. 56-70.
6. Hall C. K. The first proposal for a permanent international criminal court / C.K. Hall // International Review of the Red Cross. – March, 1998. – No.322. – P. 57-74.
7. Дремина Н. В. Международный уголовный суд : проблемы юрисдикции / Н. В. Дремина // Український часопис міжнародного права. – 2003. – № 4. – С. 76-87.
8. Шабас У. А. Международный уголовный суд : исторический шаг в деле борьбы с безнаказанностью / У. А. Шабас // Московский журнал международного права. – 1999. – № 4. – С. 14-33.
9. Костенко Н. И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития / Н. И. Костенко [Институт государства и права РАН]. – М. : РКонсульт, 2002. – 448 с.
10. Pfaner T. The establishment of a permanent international criminal court. ICRC expectations of the Rome Diplomatic Conference / T. Pfaner // International Review of the Red Cross. – March, 1998. – No. 322. – P. 21-27.
11. Cullen A. The definition of non-international armed conflict in the Rome Statute of the International Criminal Court: an analysis of the threshold of application contained in article 8(2)(f) / A. Cullen // Journal of Conflicts and Security Law. – 2008. – Vol. 12, No 3. – P. 419-445.
12. Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: observers' notes, article by article / [Ed. by Otto Triffterer]. – Baden-Baden, 1999. – 1295 p.
13. Report of the Preparatory Committee on the Establishment of an International Criminal Court, Draft Statute and Draft Final Act, 1998, A/CONF.183/SR.6 [Электронный ресурс] / International Criminal Court. – Режим доступа : <http://www.icc-cpi.int/NR/rdonlyres/B3A11F18-46A3-4F3A-837C-6F2975B6FF2/269817/27040.PDF>

14. A/CONF.183/C.1/L.59 (10 July 1998) [Електронний ресурс] / International Criminal Court. – Режим доступа : <http://www.icc-cpi.int/NR/rdonlyres/0BBDF462-DA21-4E4B-A312-18B3F5165D17/266814/18660.PDF>
15. A/CONF.183/C.1/SR.33 [Електронний ресурс] / International Criminal Court. – Режим доступа : <http://www.icc-cpi.int/NR/rdonlyres/5D9B2482-299A-4D24-B735-F66D3DF47421/273006/30633.PDF>
16. A/CONF.183/C.1/SR.35 [Електронний ресурс] / International Criminal Court. – Режим доступа : <http://www.icc-cpi.int/NR/rdonlyres/09648EAD-6484-4771-9CE3-E30FE544EADA/273018/30645.PDF>
17. *La Haye E.* War crimes in internal armed conflicts / Eve la Haye – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 424 p.
18. UN.Doc.A.CONF.183.C.1/SR.4, p.9 [Електронний ресурс] - Statement of the German representative to the Committee of the Whole on 17 June 1998. / International Criminal Court. – Режим доступа : <http://www.icc-cpi.int/NR/rdonlyres/DFA1E38B-BC57-4953-AF34-3655C595CF53/269742/26966.PDF>
19. UN.Doc.A.CONF.183.C.1/SR.4, p.12 and UN.Doc.A.CONF.183.C.1/SR.5, p.13 [Електронний ресурс] - Statements of the Sudan representative to the Committee of the Whole on 17-18 June 1998. / International Criminal Court. – Режим доступа : <http://www.icc-cpi.int/NR/rdonlyres/66A242E5-4810-4E6D-8F8E-3919156A10B0/269766/26990.PDF>
20. *Белый И. Ю.* Международное преследование за военные преступления : правовые и процессуальные аспекты / И. Ю. Белый. – М. : ЮРКНИГА, 2004. – 256 с.
21. *Shaw M. N.* International Law / M. N. Shaw; [Sixth edition] – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 1542 p.
22. Fact Sheet on the OTP's work to investigate and prosecute crimes in Darfur - [Електронний ресурс] / International Criminal Court. – Режим доступа : www.icc-cpi.int/library/organs/otp/ICC-OTP-Fact-Sheet-Darfur-20070227_en.pdf
23. Situation in Darfur, Sudan in the case of the Prosecutor v. Ahmad Muhammad Harun (“Ahmad Harun”) and Ali Muhammad Al Abd-Al-Rahman (“Ali Kushayb”). - [Електронний ресурс] / International Criminal Court. – Режим доступа : ICC-02/05-01/07-2 01-05-2007 1/16 CB PT <http://www.icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc279813.PDF> and ICC-02/05-01/07-3 01-05-2007 1/17 CB PT <http://www.icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc279858.PDF>
24. *Мацко А. С.* Міжнародний кримінальний суд (створення та напрям діяльності) / А. С. Мацко // Український часопис міжнародного права. – 2003. – № 4. – С. 70-75.
25. *Ковалев А. А.* Деятельность Международного уголовного суда и его перспективы / А. А. Ковалев // Международное право – InternationalLaw. – М., 2007. – № 1 (29). – С. 172-186.
26. *Блищенко И. П.* Международный уголовный суд / И. П. Блищенко, И. В. Фисенко [Предисл. проф. В. П. Лозбякова]. – М. : Закон и право ЮНИТИ, 1998. – 239 с.
27. *Глотова С. В.* Международный уголовный суд в системе международной безопасности / С. В. Глотова // Международное право. – InternationalLaw. – М., 2007. – № 1 (29). – С. 85-99.
28. *Кузьменков С. Ю.* Разработка определения агрессии в рамках Ассамблеи государств-участников Статута Международного уголовного суда / С. Ю. Кузьменков // Международное право – InternationalLaw. – М., 2007. – № 1 (29). – С. 114-126.
29. *Spieker H.* International Criminal Court and non-international armed conflicts / H. Spieker // Leiden Journal of International Law. – 2000. – № 13. – P. 395-425.
30. *Willmott D.* Removing the distinction between international and non- international armed conflict in the Rome Statute of the International Criminal Court / D. Willmott // Melbourne Journal of International Law. – 2005. – Vol. 5. – P. 196-219.
31. *Dormann K.* War crimes under the Rome Statute of the International Criminal Court, with a special focus on the negotiations on the elements of crimes / K. Dormann // Max Planck Yearbook of United National Law. – 2003. – Vol. 7. – P. 341-407.
32. *Wagner M.* The ICC and its jurisdiction – myths, misperceptions and realities / M. Wagner // Max Planck Yearbook of United Nations Law. – 2003. – Vol. 7. – P. 409-466.
33. *Schabas W.A.* An introduction to the International Criminal Court / W.A. Schabas – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 481p.
34. The Prosecutor v. Delalic and others, IT-96-21-T [Електронний ресурс] / ICTY, Judgement. – Режим доступа : <http://www.icty.org/x/cases/mucic/acjug/en/cel-aj010220.pdf>

35. *Dormann K.* Preparatory Commission for the ICC: the elements of war crimes. Part II: other serious violations of the laws and customs applicable in international and non-international armed conflicts / K. Dormann // *International Review of the Red Cross*. – 2001. – Vol. 83, No. 842. – P. 461-487.
36. *Dormann K.* Elements of war crimes under the Rome Statute of the International Criminal Court. Sources and commentary / K. Dormann – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 524 p.
37. *Boot M.* Genocide, crimes against humanity, war crimes: nullum crimen sine lege and the subject matter jurisdiction of the International Criminal Court / M. Boot – Katholieke Universiteit Brabant, 2002. – 708 p.
38. *Miraglia M.* The first Decision of the ICC Pre-Trial Chamber. International criminal procedure under construction / M. Miraglia // *Journal of International Criminal Justice*. – 2006. – No 4. – P. 188-195.
39. Decision on Confirmation of Charges, Lubanga, PTC I, 29 January 2007 (ICC 01/04-01/06) [Електронний ресурс] / International Criminal Court. – Режим доступа : www.icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc639096.pdf
40. *Weigend Th.* Intent, mistake of law, and co-perpetration in the Lubanga Decision on Confirmation of Charges / Th. Weigend // *Journal of International Criminal Justice*. – 2008. – No 6. – P. 471-487.
41. *Трикоз Е. Н.* Первые уголовные расследования в практике Международного уголовного суда / Е. Н. Трикоз // *Международное право*. – InternationalLaw. – Москва, 2007. – № 1 (29). – С. 200-224.
42. *Blattmann R.* Achievements and problems of the International Criminal Court. A view from within / R. Blattmann, K. Bowman // *Journal of International Criminal Justice*. – 2008. – No 6. – P. 711-730.
43. *Apuuli K. Ph.* The ICC arrests for the Lord's Resistance Army leaders and peace prospects for Northern Uganda / K. Ph. Apuuli // *Journal of International Criminal Justice*. – 2008. – No 6. – P. 179-187.
44. UNDoc. S/RES/1593 [Електронний ресурс] / United Nations. – Режим доступа : <http://access-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/292/73/PDF/N0529273.pdf?OpenElement>